

Андрей ДЫШЕВ

ВОЕННАЯ ДРАМА

ОБРЕЧЕННЫЙ

Андрей Михайлович Дышев

Обреченный

Серия «Военная драма»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67060461
А. Дышев. Обреченный.

Аннотация

С войны Стас Шелестов вернулся с тяжелой формой амнезии. Там он был ранен в голову и полностью забыл самые жуткие эпизоды. Но следователь прокуратуры пытается изо всех сил «расколоть» молодого офицера на признание, потому как уверен, что Шелестов всего лишь ловко симулирует потерю памяти. А вменяются ему страшные вещи: будто там, на войне, он убивал детей... Но вдруг происходит событие, которое становится триггером, и память начинает возвращаться к Стасу, а вместе с ней и понимание того, что его жизнь сложилась совсем иначе, чем казалось...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	41
Глава 9	44
Глава 10	48
Глава 11	52
Глава 12	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Андрей Дышев Обреченный

Андрей Дышев

* * *

*Он пошел и умылся, и вернулся зрячим
(Евангелие от Иоанна)*

Глава 1

Минуту Шелестов следил за ней, сохраняя достаточную дистанцию, чтобы девушка случайно не задела его локтем. Невысокая, в потрепанных джинсовых шортах и ядовито-зеленой майке, она перебирала разбросанные по столу объявления быстрыми и нервными движениями, какими безнадежные троечники копаются в экзаменационных билетах. Лицо ее было смуглым от загара, без косметики. Желтые волосы зачесаны назад и стянуты синей лентой. В глазах усталость и раздражение, будто она хотела сказать: "Как мне это надоело!" Шелестов дождался, когда девушка отойдет от стола и только после этого стал просматривать объявления.

"Группа школьников идет в район гибели 4-ой ТА, Мясной Бор..." Все ясно, это наверняка не школьники, а "черные антиквары". К тому же, Мясной Бор – это, кажется, Новгородская область. Далековато. У Шелестова подписка о невыезде, он дальше Московской области выезжать не рискует. Что здесь? "Все, кто без ума от бурных рек, могут принять участие в сплаве..." Нет, ледяная вода горных рек Шелестову противопоказана, от нее сужаются сосуды головного мозга, и тогда башка вообще перестает варить. Врачи предупреждали – даже в теплом море купаться не больше пяти минут. Что дальше? "С 3.07 в район Терскола, траверс: Чегет – Накратау – Донгозорун. 4–5 к. сл." Это слишком круто. "Две

девушки (18 лет) пойдут в увлекательный поход с компанией общительных и состоятельных ребят..." М-да, проституция уже штурмует нравственные вершины "руссо туристо".

Он кинул записки на стол. Кто-то ему сказал, что в туристском клубе можно запросто найти дешевые путевки в Подмосковье, но ничего подходящего Шелестову не попало.

Девушка вдруг обратила на Шелестова внимание.

– Ничего не подходит? – спросила она. – Тогда, может быть, это?..

Она вынула из кармана белый картонный квадратик, похожий на визитку, и протянула ему.

"Врач (нейропсихолог), люблю риск, опасности. Чрезвычайно мобилен. Неприхотлив, аскет высочайшей категории. Ищу напарника для совместных научных исследований (психофизиология). Элементарные навыки передвижения в горах обязательны. Альтернативные варианты не предлагать. Звонить круглосуточно..."

Нейропсихолог. Нет, спасибо. Шелестов сыт нейропсихологией и нейрохирургией по горло. После ранения в голову жизнь его наполнилась крепким запахом медикаментов нейрохирургического отделения военного госпиталя, где он провел несколько долгих месяцев.

В "Полковник" он опоздал на полчаса. Так они с Генкой Гусевым называли пивнуху на краю города, пристроенную к общежитию студентов-иностранцев, грязную, прокуренную, с вечными очередями у писсуаров, невыветриваемой вонью

и сильно разбавленным пивом в липких и смердящих рыбой кружках. Приличные пивбары им были не по карману, кроме того, в "Полковник" можно было не таясь пронести бутылку водки и сушеную тарань. Генка – об этом красноречиво говорило его лицо – выпил не меньше полдюжины бокалов. Он расстегнул пиджак, на котором был привинчен орден, махал на себя мятым журналом, под мышками у него проступили темные пятна. Алла курила, ее рука, окольцованная дешевым металлом, закрывала часть лица.

– Чего так долго? – спросил Генка, придвигая Шелестову бокал. Тот сразу же окунул в него губы – хотелось пить и не хотелось отвечать на этот дежурный вопрос. Алла как бы невзначай коснулась под столом туфлей его ноги.

В баре было полно народу. Сигаретный дым туманом завис над столами. Шумной группой сидели под окном темнотицы парни – то ли индийцы, то ли афганцы. Из мутного окна на них падали косые шлейфы света. Было похоже, что мощные юпитеры освещают сцену, где разыгрывается прескучная провинциальная драма... Шелестов ответил Алле, наступив ей на туфлю. Она с восторгом и укором посмотрела на него.

– Взял путевку? – спросил Генка.

– Нет. С путевками я, наверное, опоздал.

– Тогда присоединяйся к нам. Лямур де труа... Да, Алуся? – он попытался обнять Аллу, но внезапно нахмурился: – Лискову, конечно, ты не позвонил?

– Телефон не отвечал.

– Шура, еще месяц – и меня выкинут на улицу. Сокращение по оргштатным. Без пенсии и льгот. Без квартиры и жены. С больной печенью, парой сапог и боевым орденом. Твой Лисков – моя последняя надежда. Это ж твой бывший командир. Ты же с ним под пулями, можно сказать, ползал. Ты же, так сказать, всю говняную Войну вместе с ним переварил. Вы же теперь с ним как два покойника в одной братской могиле – на века рядом! Ты ему только шепни, и он все сделает.

– Позвоню, – вяло пообещал Шелестов. – Сегодня же позвоню.

– Забудешь! – махнул рыбьим хвостом Генка. – У тебя ж не голова. У тебя шейкер. А мозги – взбитый «ёрш».

– Хочешь, напишу себе на лбу?

Еще минут двадцать, обмениваясь пустыми фразами, они закачивали в себя пиво. Алла закурила, выпачкав при этом фильтр сигареты помадой. Шелестов поймал себя на мысли, что, в отличие от вчерашнего вечера, сейчас не хотел бы ее целовать.

У него снова начала болеть голова. В душных помещениях приступы случались особенно часто, причем болел не затылок, где залип осколок от гранаты РПГ, а лоб над левой бровью. Незаметно вынул из кармана и отправил в рот таблетку анальгина. Гусев заметил, что настроение друга стремительно валится, отставил от себя недопитую кружку и бросил но-

вую идею:

– А что, если нам добавить сухого?

Час спустя они благополучно, если не считать небольшого инцидента у пивбара (как всегда, в дверях сцепились с "черными"), приехали к Гусеву. Генка все еще находился под впечатлением мелкой драки и громко говорил, что в следующий раз он этими гостями столицы асфальт шпаклевать будет, что он с успехом делал на Войне. Шелестов не хотел поддерживать эту тему. Смуглый парень, который сильно задел его плечом и начал провоцировать драку, не вызывал у него ненависти и злобы. Соседка по лестничной площадке, как обычно наблюдала за тем, как Гусев ковыряет ключом в замке. В отличие от Шелестова, который снимал комнату в коммуналке, Генка жил в отдельной квартире, доставшейся ему хоть и временно, но почти даром.

Алла сунула ноги в свои тапочки, которые хранила под холодильником, и пошла на кухню варить пельмени. Пока она возилась там, Шелестов с Генкой выпили по бутылке залпом. Вспыхнули экраны телевизоров. На одном из них девушка-диктор рассказывала об очередной гадости, которую где-то сотворили террористы, на другом, подключенном к видуку, не менее симпатичная особа старательно доставляла волосатому мужчине удовольствие. Рывкнули колонки, от тяжелого рока зазвенели фужеры на столе. Генка окунулся в привычную атмосферу: бухло, громкая музыка и демонстрация чужой любви.

Шелестов морщился от головной боли. Ее словно распи- рало изнутри, как тугой футбольный мяч. Он попросил у Генки таблетку анальгина – свои закончились. Когда он вы- шел на кухню, Алла тотчас повернулась к Шелестову и щип- нула его за ногу.

– Ты чего такой испорченный? Опять головка бо-бо? У следователя был?

– Был... Все то же. Предлагает взять вину на себя.

– А он ху-ху не хо-хо?

– Обещает, что суд примет во внимание мою амнезию, и срок будет условным.

– Ну и ладушки... Слушай, давай к тебе поедем?

Так оно и вышло. Часам к одиннадцати они, с остатками вина, завалились к Шелестову. Соседка тетя Зина на секунду высунула заспанное лицо из своей комнаты, покачала голо- вой и скрылась. Алла пыталась идти по коридору на цыпоч- ках, но ее сильно шатало из стороны в сторону, и она задева- ла вешалку, двери, холодильник, при этом так шумела, что получилось бы намного тише, если бы она просто прыгала по полу. Генка, как всегда в таких случаях, держался уверенно, по нему почти не было заметно, что вылакал ведро спиртно- го. Шелестов продолжал тереть виски и морщился от голов- ной боли.

Слайды Шелестов пускал на потолок. Генка оживился, стал комментировать их, потому как хорошо знал все эти горные пейзажи, и вслух вспоминал своих сослуживцев. Ал-

ла заскучала. Ей хотелось секса, а разговоры о Войне убивали в ней либидо.

Генка неожиданно поднялся, взял за руку Аллу.

– Нам пора.

Алла захныкала, легла на пол и сказала, что у нее болят ножки и ручки и ей очень хочется досмотреть слайды. При этом она зачем-то толкала в спину Шелестова.

– Ты иди, – меняя кадр, сказал Шелестов, – а Аллу я через полчаса на такси посажу.

На улице лил дождь. Из окна Шелестов видел, как Генка бежит по лужам к автобусной остановке. На Шелестова вдруг нахлынула волна жалости к другу, он долго стоял на лоджии, глядя на то, как тополь елозит мокрыми тяжелыми ветвями по стене дома.

Алла схватила его за волосы, провела ладонью по мокрой шее.

– Он не догадается, так что не бери дурного в голову. Все равно забудешь... Эх, счастливый ты человек! Память – что фильтр у пылесоса. Глаза и уши насосут всякой мутатени, и ходи с ней, как ленинская библиотека. А у тебя этого фильтра нет. Как влетело, так и вылетело. Ты меня хоть помнишь, бездонный ты мой? Ну же, обними меня, чудило!

– Погоди, – пробормотал Шелестов. – Я все никак не могу избавиться... Помнишь того смуглого парня, которого я у "Полковника" на хер послал? Мне кажется, что я видел его раньше... Может, на Войне?

– Ага, на Войне, – усмехнулась Алла и стала раздеваться. – Ты маму свою вспомнить не можешь, а Войной башку терзаешь! Ложись... Память, память... Послушай меня, умную дуру. Ты должен твердо помнить только об одном: ты мужик. А на остальное наплюй...

Глава 2

Генка не позвонил ни утром, ни вечером. Алла тоже не звонила. В мрачном настроении Шелестов провел дома полдня, перестирал кучу рубашек, простыни смотал в клубок, завернул в бумагу и отнес в прачечную. Закончился его третий отпускной день тем, что он вылил себе на джинсы чашку с кефиром и в очередной раз вынужден был заняться стиркой. Выворачивая карманы, Шелестов обнаружил измочаленную записку нейрохирурга, аскета высшей категории. А почему бы и нет, подумал Шелестов. Если я не уеду из Москвы, то просто сопьюсь с Аллой и Генкой.

Уже после первого звонка трубку сняли.

– Говорите!

Шелестов узнал этот молодой женский голос. Это была та самая девушка, с которой он встретился в туристском клубе.

– Звоню по объявлению, – сказал Шелестов... – Подопытный кролик для научных исследований нужен?

– Лично мне нет. Перезвоните позже, Стаса сейчас нет дома...

И короткие гудки.

Не было печали – Алла заявила. Она стояла на пороге с мокрым зонтиком под мышкой и криво усмехалась.

– Проходила мимо, думаю, надо проведать. Головка не болит? Не забыл о том, что у тебя в штанах?

Шелестов не стал отвечать на идиотские вопросы, он думал о другом. В буфете у тетки Зины был припрятан графинчик с очищенной молоком самогонкой. Хозяйка не возражала, когда Шелестов менял пол-литра этой божьей слезы на пять кило сахара.

Он вышел на кухню, долго ковырялся в буфете, испытывая нарастающее отвращение к самому себе. Потом долго нарезал сыр, долго открывал банку с огурцами, тянул время, надеясь на то, что сейчас привалит хозяйка и тем самым предотвратит развитие греха. Но хозяйка не приходила, и Шелестов поставил на стол графинчик и рюмки.

Алла выпила первую рюмку залпом, скрутила сырок в трубочку, как сигарету взяла его губами. У Шелестова снова начала болеть голова. Некстати и Алла закурила.

– Мне жаль тебя, – сказала она, стряхивая пепел в раковину. – Тридцать лет, а за душой ничего... Хочешь, познакомлю тебя со своей подругой? Работает бухгалтером в приличной фирме. Разведенная, без детей. Хата, тачка – все, что полагается.

– На кой ляд ей сдался мужик в голову раненый?

– Так это же преимущество, зайчик! Главное, что ты в другое место не раненый. А память... – Она махнула рукой и оставила петлю дыма.

Затягиваясь, она щурилась, вокруг накрашенных глаз вспыхивали лучики морщинок. Стареешь, кобылка, подумал в отместку Шелестов и снова налил.

– Не гони лошадей, Шура.

– Через полчаса тетка привалит.

Алла усмехнулась.

– Тогда я пошла в ванную... Полотенце не надо, я взяла свое.

* * *

– Здорово, Саша! Садись, кури!

С этих слов начиналась каждая встреча Шелестова со следователем военной прокуратуры. Морской пехотинец, капитан по званию, но уже лысый и тучный, «следак» выбрал для себя роль рубахи-парня, полагая, что так ему будет легче войти в доверие Шелестову и расколоть его. Заключение медицинской комиссии о тяжелой форме амнезии подозреваемого лежало у него под стеклом на рабочем столе; это заключение уже впору было повесить в рамку рядом с портретом Главного Официального Кумира как нечто монументальное и незыблемое, как строки из Конституции или Библии. Но капитан этой бумажке не верил, он за свою службу навиделся симулянтов, прикрывающихся медицинскими справками.

– Ничего не вспомнил? – как бы между делом спросил следователь, роясь в ящике стола.

– Ничего, – ответил Шелестов.

Он был спокоен. Допрос давно перестал быть для него

раздражителем нервной системы, ибо все прежние встречи со следователем были похожи на многочисленные дубли одного и того же эпизода, и Шелестов привык к ним, как привыкаешь к ежедневной давке в автобусе или метро.

– А вот мне передали показания свидетеля Лискова, – сказал следователь, не поднимая глаз. Он отхлебнул чая из ржавой кружки и застыл, глядя на бумагу.

Это было что-то новое. Шелестов первый раз слышал, что в его деле Лисков выступает в качестве свидетеля.

– И он утверждает, – продолжал следователь, – что у тебя в руке был кусок стекла. Ты им размахивал... И было много крови... И тебя трое бойцов с трудом держали, потому как ты порывался другие дома поджечь...

«На пушку берет, – подумал Шелестов. – Лисков тут при чем?»

– Вы можете утверждать, что я разрушил Карфаген, – сказал Шелестов, и эта несмешная шутка с Карфагеном тоже уже звучала здесь. – Но я ведь этого не помню. Как я могу признать то, чего не помню?

Хлоп! – ящик стола со стуком въехал в глубь стола. Шелестов поймал лукавый взгляд следователя.

– В прошлый раз, кажется, в пятницу, ты мне сказал, что у тебя случаются прозрения...

– Это было не в пятницу, а в четверг, – поправил Шелестов.

– Правильно. В четверг, – обрадовался следователь. – Вы-

ходит, что-то в твоей памяти удерживается? Какая же это амнезия? Это брехня, Саша... Долго упрямитесь будете?

– Когда я проходил экспертизу вменяемости у психиатров, – сказал Шелестов, – меня проводили через наркоанализ для распознавания симуляции. Результат был отрицательный... Вы почитайте в справке, там все написано...

– Пропуск! – прорычал следователь.

– Что? – не понял Шелестов.

– Пропуск давай, я отмечу, чтобы тебя в последний раз выпустили!

Какой это был по счету дубль? Шелестов, выйдя из здания военной прокуратуры, пытался сосчитать, сколько раз он уже сюда приходил. Двадцать? Это был затянувшийся бред. И бред был настолько бредовым, что Шелестов даже краешком, даже тенью не принимал его близко к сердцу. Как если бы его подозревали в том, что он – инопланетянин.

А подозревали его в чем-то страшном, будто он там, на Войне, убивал детей, стариков и женщин.

Глава 3

«Когда мне тоскливо, я становлюсь авантюристом», – подумал Шелестов.

По обе стороны тихой дачной улочки тянулись нескончаемые заборы и изгороди, из-за которых выглядывали стены, балконы и крыши особняков. Фонарей на этой улице не было, и когда Шелестов дошел к плотному строю вековых бунков, стемнело настолько, что он едва разглядел нумерацию на доме.

Калитка во двор была распахнута настежь, может быть нарочно для Шелестова. Он прошел по дорожке, выложенной из цветных плиток к дому, под фонарь, несколько секунд постоял у двери, читая позеленевшую от сырости претенциозную медную табличку: "Д-ръ Козыревъ С. Ф." И нажал кнопку звонка. Через полминуты он позвонил еще раз.

Гигантский пес рысью подбежал к нему, шумно понюхал грудь, вильнул хвостом и сел в метре. Следом за догом из темноты появился молодой худощавый мужчина, как и Шелестов, одетый в спортивный костюм.

– Это мы с вами разговаривали по телефону? – спросил он и протянул руку. – Станислав Федорович. Можно просто Стас. Медицинскую книжку взяли?

Он зазвенел ключами, отпирая дверь, впустил в дом сначала собаку. Они поднялись на второй этаж.

Шелестов прошел в комнату, сел в кресло и осмотрелся.

Большой книжный шкаф был наполовину заполнен книгами, моделями старинных автомобилей, ракушками, иконками, разноцветными камнями и прочим хламом, не имеющим практического значения, но явно представляющим антикварную ценность. В углу стояла пузатая двухпудовая гиря, а на ее ушко, как лапша, были навешены резинки эспандера. Старый, широкий диван был застлан пледом, под которым, похоже, хозяин квартиры и спал. Стены украшали картины. Над письменным столом склонила голову массивная лампа с металлическим абажуром.

Козырев принес две чашечки кофе, поставил их на столик. Шелестов обратил внимание, что между чашками и блюдами были проложены салфетки – так обычно подают в приличных кафе и ресторанах.

– Прежде чем расспросить вас, я немного расскажу о себе... – Стас поднес чашечку к губам, сделал глоток. – Я нейропсихолог, кандидат медицинских наук, работаю в институте нейрохирургии. Характер у меня сложный, иногда просто невыносимый... Вас трепанировали? Как давно?... Мгм...

Он, вроде как, говорил о себе, но при этом успевал выяснить у Шелестова все, что считал нужным.

– Я могу показаться вам человеком скрытным и... как бы поточнее выразиться... загадочным. Отнеситесь к этому спокойно, все мои кажущиеся тайны не стоят веденного яй-

ца... Какой вам поставили диагноз? Черепно-мозговая травма? Упали с самолета?.. Ах, ранение! Вы были на Войне?.. Прекрасный экземпляр... Ну так вот, в конце концов вам станет ясно, что моя душа чиста, аки слеза ребенка, а поступки прямолинейны и осмысленны... Что еще? Собираюсь жениться. Собираю материал для докторской о психофизиологии в экстремальных видах спорта. С головой ушел в науку, потому как достаточно честолюбив. Поставил перед собой высокие цели и гоню к ним самым коротким путем... А вас, если не секрет, что толкнуло позвонить мне?

– Скука.

Он кивнул и ненадолго задумался.

– Гениальный ответ. Во всяком случае, честный... Послушай, а давай на «ты»?

Шелестов сам не мог понять, раздражает или, напротив, привлекает его этот молодой, не погодам зрелый врач, которому эта зрелость и ученая степенность была вроде как в тягость, и хотелось снова побыть озорным и не совсем умным подростком...

Они допили кофе и взялись за коньяк. Дог широко зевнул, показав темно-красную пасть.

– Ты нужен мне для научных исследований, – сказал Стас, с подозрением глядя на дно рюмки, из которой только что выпил. – Мне повезло. Ты прекрасный материал. Война – тот же экстремальный спорт, и люди на войне, я так полагаю, испытывают нечто похожее, что и альпинист, падающий в без-

дну. Но меня интересуют не столько психические травмы, сколько физические. Представляешь, что произойдет с человеком, если он, сорвавшись со скалы, улетит в пропасть? Есть ли шанс выжить? Как подготовиться к чудовищным нагрузкам на организм? Как этот человек будет относиться к спорту после излечения?.. Я постараюсь разобраться в том, какой отпечаток оставила в твоём сознании Война и ранение, как ты воспринимаешь сейчас свою страшную военную работу... Интересно, правда?

– Наверное, – ответил Шелестов и отодвинул от себя рюмку. – Только я совсем не помню Войну.

– Пытаешься забыть?

– Не могу вспомнить. У меня амнезия... И вообще, я просто хочу отдохнуть где-нибудь в Подмосковье. Спасибо за коньяк. Я пойду.

Шелестов встал.

– Подожди, не кипятись! – Стас, дожевывая, забрался на стул и снял с полки несколько пухлых папок. – Отдохнешь так, что потом спасибо мне скажешь! Я исследовал альпинистов, подводников, полярников во время их отпусков. Они отдыхали, а я проводил свои исследования. Мы с тобой поедem в Крым...

– В Крым мне нельзя, – ответил Шелестов. Он вдруг почувствовал головокружение – то ли от выпитого коньяка, то ли от усталости и раздражения. – Я дал подписку о невыезде. До свидания.

– Да сядь ты! – вспыхнул Стас. – Тебе что, шьют дело? Хулиганство? Вымогательство?

– Нет, не вымогательство, – ответил Шелестов и, как бы желая подкрепить свои словами веским аргументом, выудил из кармана смятый пропуск в прокуратуру. – Вот, смотри. Следователь Некрасов, кабинет сто восьмой... В общем, извини... У меня что-то башка разболелась...

Он сделал шаг, ухватился за дверную ручку, и тотчас ему показалось, что дверь резко распахнулась и ударила его по лбу...

Глава 4

Первое, что увидел Шелестов, когда открыл глаза – собственное отражение, выпуклое, словно воздушный шарик, и оно было бы смешным, если бы принадлежало кому-то другому. Шелестов протер глаза и только потом понял, что отражается в толстых, чуть затемненных очках доктора Козырева, который склонился над ним и выпятил губы, как если бы любовался сгоревшей пиццей.

– С возвращением, – хмуро произнес он и взялся за запястье Шелестова, чтобы сосчитать пульс. – Часто у тебя обмороки?

– Это не обморок. Это на меня твой коньяк так подействовал, – ответил Шелестов. Он с удивлением обнаружил, что лежит на диване, под пледом, а сквозь штору пробивается медовый солнечный свет. – Который час?

– Уже утро.

– Это я столько был в отключке?!!

– Я сделал тебе укол нитразепама. Соображаешь нормально?

Пес лежал на полу рядом и делал вид, что дремлет. Солнечные лучи скользили по лицу Шелестова, от легкого сквозняка колыхались шторы.

– У нас сегодня уйма всяких дел, – как ни в чем ни бывало, сказал Стас, собирая расставленные на журнальном столике

флакончики с лекарствами. Потом он поднес к лицу Шелестова фотографию. – Посмотри на этот снимок внимательно. Шелестов недолго рассматривал фотографию в рамке. Стас в белой докторской шапочке и фонендоскопом на шее сидел на стуле, а сзади него – тоже в белом халате – миловидная девушка. Ее лицо показалось Шелестову знакомым.

– Кажется, эту красотку я видел в туристском клубе.

Стас положил фотографию на стол.

– Все верно. Это Даша. Она работает в моем институте. Я отправил ее в туристский клуб за экспериментальным материалом, и нашла тебя... Кстати, она скоро будет моей женой. Но не об этом речь. – Стас сел рядом с Шелестовым, внимательно посмотрел ему в глаза. – Когда ты предавался чарам Морфея, я полюбовался твоим черепом. Роскошный череп! Правда, его идеальный контур несколько портит шрам на затылке. Что с тобой стряслось?

– Подорвался на mine и, наверное, шарахнулся башкой о броню.

– Ну-ка, подробнее: как шарахнулся, что потом с тобой было, как лечили?

– Я ничего не помню – ни что было до этого, ни после... Если я правильно понял врачей, у меня была обширная внутримозговая гематома...

– Я ничего не помню – ни что было до этого, ни после... Если я правильно понял врачей, у меня была обширная внутримозговая гематома...

– Внутрочерепная, – поправил Стас. – Полагаю, – добавил он, вращая голову Шелестова, словно наглядное пособие, – вместе с гематомой тебе удалили участки разможения мозга и мозгового детрита... Неплохо бы сделать компьютерную томографию, чтобы исключить гигромы.

– Что исключить?

– Это такие узкие и серповидные конвекситальные очаги скопления жидкости, – произнес Стас, ощупывая шрам на затылке Шелестова. – Впрочем, с гигромами ты бы не прожил столько.

– Ты меня успокоил.

– Обязанность врача – внушать оптимизм, если даже жить осталось один день... Ага, вижу следы фрезевых трепанационных отверстий... Ну, а сколько ты пробыл без сознания? Как быстро тебя оперировали?

Шелестов вздохнул.

– Ты меня об этом спрашиваешь? Моя память короткая, бабье лето. Почти вся Война стерта из головы начисто. Пустота. Будто черной шторой закрыта... Кажется, у тебя горит мясо.

Стас пристально глядел Шелестову в глаза, будто изучал донные глубины его мозга, где запечатлелись стертые из памяти события.

– Но от этого я не сильно страдаю, можешь не смотреть на меня так, – продолжал Шелестов. – Хорошо, что жив остался. А что, с таким повреждением, как у меня, память не вос-

становливается?

– Чушь! Ее можно восстановить в полном объеме, до деталей! Именно этим я и намерен заняться. Обрати внимание: я буду лечить тебя в Крыму, причем совершенно бесплатно!

– Какой Крым, Стас?! – оторопел Шелестов. – Я ведь тебе уже говорил: прокуратура завела на меня уголовное дело! Я дал подписку о невыезде!

– Действие подписки временно приостановлено, – ответил Стас. – Пока ты спал, я позвонил своему знакомому из госпиталя Бурденко, а тот в свою очередь позвонил в военную прокуратуру следователю Некрасову, который недавно и успешно вылечил в госпитале геморрой. Я взял тебя под свою персональную ответственность. Завтра вылетаем в Симферополь... Да что ты смотришь на меня, как на Коперфилда? Я врач, понимаешь? Враааач! Я нужен людям. И летчикам, и морякам, и следователям тоже... Никто от геморроя или алкогольной амнезии не застрахован!

Ел Шелестов без аппетита, но с усердием, следуя совету дипломированного врача: с похмелья важно плотно набить желудок. Флегматичный Пол ненавязчиво давал понять, что тоже не против слопать кусочек-другой жареной говядины, и Шелестов охотно делился с ним.

* * *

Они поднимались на восьмой этаж института по лестни-

це, хотя в фойе было несколько лифтов. Стас перешагивал через ступеньки и поднимался с такой скоростью, будто хотел убежать от преследовавшего его Шелестова.

Они зашли в маленькую белую холодную комнату. Стас вымыл руки с мылом и щеткой, вытер их вафельным полотенцем, затем открыл дверцу стеклянного шкафа, вынул оттуда тонометр, рамку с колбами и капиллярами, из стерилизатора достал никелированную коробку, поставил все это на стол перед Шелестовым.

– Стас, ты внушаешь мне страх.

– Это хорошо, – ответил он и всадил ему в палец копьё.

– Ты весь отпуск будешь доставлять мне подобные удовольствия?

Кровь толчками поднималась по тонкой стеклянной трубочке, как спирт в термометре, если его опустить в горячую воду. Потом Стас выдул ее в пробирку, где она тонкими нитями поползла по стеклу.

Внезапно Шелестову стало плохо. Тошнота волной прокатилась по груди, на лбу выступила испарина. Он сильно побледнел, откинулся на спинку стула и провел рукой по лбу.

– Что с тобой? – Стас тоже перепугался, подошел к шкафу, вынул оттуда пузырек с нашатырем. – Ты боишься крови?

– Нет, что ты! – Шелестов расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Он уже пришел в себя, ему стало стыдно за эту слабость. – С чего это мне ее бояться? Просто... это было непри-

ятно.

– Что – это?

Шелестов не смог ответить. Кровь красными нитями расползалась по дну пробирки, будто щупальца осьминога, концы нитей закручивались спиралью, опускались вниз маслянистыми сталактитами, собираясь на дне в овальные капли.

– Да что с тобой? – усмехнулся Стас и размешал стеклянной палочкой кровь и жидкость.

– Где-то я уже это видел... Кровь на стекле.

– В госпитале, наверное, – Стас взял его за локоть и стянул бицепс манжеткой тонометра.

– Нет, не в госпитале. Раньше.

Стас начал подкачивать грушу.

– Ну-ка, напряги извилины, где ты это видел? Какие ассоциации с кровью на стекле?

– Неприятные.

Шелестов смотрел в окно, но перед его глазами все еще тянулись, похожие на дымок, струйки крови на стекле пробирки. И на какое-то мгновение он увидел крохотное мутное окошко, разлетающееся на узкие треугольники осколков, и размазанное по ним жирное кровавое пятно... Он потрянул головой.

– Осторожнее, – попросил Стас. Он смотрел на секундомер. Потом снял манжетку. – Ну, работай головушкой, работай!

– Все, Стас, снова пустота. Шелестова.

– Это была весточка из темного пятна твоей памяти. Причем, самая яркая. А прочнее всего удерживается в нашей памяти то, что не соответствует прогнозу и ожиданиям. Кровь на битом стекле в твоём случае – нечто неординарное, из ряда вон выходящее.

Стас пристально смотрел в глаза.

– Не вижу в этом ничего неординарного.

– На первый взгляд ты прав, ничего неординарного. Но наш мозг – штука своеобразная, у него своя логика. С тобой произошло нечто, где кровь и стекло сыграли не свойственную им роль, и в твоём сознании запечатлелись как предметы, выходящие из привычного представления о них.

– Какой сделаем вывод, Авиценна?

– Тебе надо докапываться до истины.

– Что ты называешь истиной?

– Надо вспомнить все, что с тобой произошло.

– Это невозможно.

– Все возможно. Собирай по крупицам островки памяти и рассматривай их на предмет несоответствия логике. Вот стекло. Оно сыграло какую-то особую роль в твоей истории, это не просто прозрачный острый предмет в нашем понимании. Оно играло несвойственную ему роль... Больше ни в чем голова тебя не беспокоит?

– Побаливает иногда. Если душно. Или накурено. Или холодно.

– А утром, после сна?

– И утром бывает, особенно, если накануне приходилось употреблять.

Потом Шелестов отжимался от пола, приседал, подносил ноги к голове. Между каждым упражнением Стас замерял ему давление. Когда, наконец, Шелестов сел на топчан уже без всякого желания двигаться, Стас повел его проверять сердце.

Этажом ниже он обвешал его оголенное тело электродами и заставил сесть на велоэргометр. Самописец рисовал горы, ущелья, островерхие пики, плато, трещины и контрфорсы. Стас, просматривая кардиограмму, ничего не говорил, и лицо его ничего не выражало.

– Я скоро умру? – полюбопытствовал Шелестов, сползая с велосипеда.

– Нам еще осталась компьютерная томография, – вместо ответа сказал Стас.

Шелестов опустился еще этажом ниже. Внезапно он встретил ту девчонку из туристского клуба, невесту Стаса. От удивления он остолбенел. Даша не сразу узнала его, намек на улыбку скользнул по ее губам. В белом халате и шапочке она казалась старше и строже. Шелестов успел рассмотреть ее лицо. Чуть выше уха, рядом с тонкой и прямой бровью, он заметил алый рубец. Под мышкой девушка несла толстую папку, из которой вылезали хвосты бумаг. Они на секунду остановились друг против друга.

– Вы мне дали счастливый билет, – сказал Шелестов.

И она быстро пошла по коридору, а Шелестов подумал, что работать вместе с невестой в одном учреждении – неблагодарное дело, серое прозябание под вечным колпаком и надзором.

В сумрачном кабинете миловидная женщина ласково сказала ему:

– Наденьте фартук.

Тяжелая эта одежда удивительно напоминала бронежилет. Шелестов заулыбался. Женщина тоже улыбнулась, потом поднесла к настольной лампе медицинскую книжку, в которой Стас что-то написал, и стала читать. Потом перечитала ее еще раз. Шелестов следил за ее лицом. Женщина перестала улыбаться.

– Результаты томографии срочно нужны? – спросила она через минуту. – Что сказал Станислав Федорович?

– Ничего не сказал. Вряд ли они нужны срочно, – ответил Шелестов, почесывая затылок, который от процедуры почему-то заныл. – Мы со Станиславом Федоровичем завтра улетаем в Крым. А вот когда вернемся...

– Хорошо. Тогда пусть Станислав Федорович сам их возьмет, когда вернется.

Шелестов поднялся к Стасу. Врач был занят тем, что быстро писал мелким неровным почерком в тетради-книжке.

– Когда ты объявишь мне приговор?

– Ты считаешь, это дано врачам?

Глава 5

Лисков, сухощавый, сорокапятилетний полковник почти двухметрового роста, с грубым лицом, которое, как казалось, высекли из деревянной чурки тупым топором, восседал за столом, сильно поддавшись вперед.

– Я этого следака урою! – низким голосом рычал Лисков. – Ты слышишь, Саня! Я ему матку выверну! Я ему ноздри разорву!! Он так и сказал, что я накатал на тебя бумагу? Вот же падла!

Он подлил водки, решительным, резким жестом, забрызгав половину стола.

– Тарас Петрович, – сказал Шелестов. – Я пришел к вам просить за одного парня. Его увольняют по сокращению, а квартиру не дали...

– Да погоди ты со своим парнем! – властно прервал тему Лисков. – Ты про себя рассказывай! Как здоровье? Память восстановилась?

– Ничего не восстановилось. Права, взялся за меня один кандидат наук...

– О чем еще следователь спрашивал? – прервал Лисков, выдавая тем самым, что ему неинтересно слушать о здоровье Шелестова.

– Он не спрашивал, он предлагал сознаться в массовом истреблении мирных граждан.

– Ты мне ему фамилию запиши! Я ему глаз на жопу натяну! Не бойся, Сашка! Я тебя в обиду не дам. Мы с тобой Войну прошли, мы кровью повязаны, и я за тебя горой встану... Значит, этот гад требует от тебя признания?

– Да, этот гад требует от меня признания.

– А как ты можешь взять на себя вину, если ни не помнишь, что ты там наворотил??

– Я ему так и сказал.

– Правильно сказал, Саня! И не бойся ничего! Не цепляйся ты за эту память! Что было, то было, тьфу! Нет этого. Теперь я твоя память, понял?! И память, и совесть!

– Понял, Тарас Петрович!

– Ну, так пей, чего расплескиваешь! Твое здоровье, Саня! Чтоб молодцом был! А этому следаку я повыдергиваю яйца! Нашим боевым братством клянусь! Пей, пей, успеешь ты на свой самолет! Еще целых полчаса!

Глава 6

Шелестов никогда не торопился с выводами, но в первый день путешествия пришел к мысли, что со Стасом в дороге легко и беззаботно. В самолете, пока Шелестов дремал, Стас перебирал какие-то бумажки, схемы, брошюры и карты, ничем не беспокоил спутника и даже не разбудил, когда разносили пластиковые коробочки с закуской. В Симферополе, пока Козырев стоял в очереди за билетами на троллейбус, Шелестов прицепился к двум подружкам в шортиках и крохотными рюкзачками за плечами и едва не потащил их за собой.

Два огромных рюкзака Стаса и Шелестова заняли весь проход в троллейбусе, народ стал ворчать. На заднем сидении, где выпало им сидеть, было душно, Шелестов взмок уже через минуту и принялся тут же стаскивать с себя камуфляжную куртку, промокшую на спине и под мышками.

Издали плато Чатыр-Даг напоминало гигантский стол, обросший густым буковым лесом. По краям его белели полоски отвесных скал, утопающих в кронах деревьев. Лес подтягивался выше середины, а редкие его лапы доставали до верхнего среза плато. Через лес к вершине вели тропы. Отвесные скалы лишь издали казались неприступными.

– Вот по этим скалам мы и полезем, – сказал Стас.

Молодые люди вошли во вкус. Они впервые работали вме-

сте, и все получилось сразу, скальная связка доставляла обоим огромное удовольствие, какое можно получить только от профессиональной работы. Они красовались друг перед другом и не скрывали радости от той удачи, что свела их.

На козырек стены первым поднялся Шелестов, закрепил веревку, и пока Стас спускался вниз за грузом, осмотрел чистый, еще не загаженный туристами альпийский луг с вросшими в него белыми валунами. Стас тем временем уже опустился и привязывал к веревке мешок с палаткой и спальники. Он подпрыгивал от нетерпения – то ли ему хотелось побыстрее разбить лагерь и отдохнуть, то ли взять у Шелестова очередную порцию крови для анализа. Саня на всякий случай пристегнулся к вбитому крюку, чтобы нечаянно не свалиться, и потянул веревку. Груз раскачивался, цеплялся за камни, спальники едва не рвались. Скрестив на груди руки, Стас следил за ними с недовольной физиономией, но молча. Не очень тяжелая, но эта первая поклажа преодолевала земное притяжение с великим трудом, а веревка обжигала Шелестову ладони...

На какое-то мгновение он вдруг утратил чувство реальности, будто забыл, где находится и что делает. Боль от веревки электрическим током пронзила руки и добралась до самого мозга. Шелестов грохнулся на камни и схватился за голову, что есть сил надавил на глаза, и эта боль немного привела его в чувство. Стас что-то крикнул снизу, и тотчас Шелестов вспомнил – это уже было, когда-то давно, точно такая

же страшная боль уже обжигала его ладони. Его сердце колотилось, как после резкого пробуждения ночью. Наконец, он обратил внимание на вопли Стаса.

– Ты там в самом деле умер или только притворяешься? Между прочим, палатка свалилась мне на голову и едва не поломала шейные позвонки.

Стас уже видел, как Шелестов медленно поднимается на ноги.

– Что, переутомился, блестящий образец армейского легкомыслия? Может быть, все-таки издашь какой-нибудь звук?

– Все нормально, – ответил Шелестов.

Стас следил за ним. Шелестов сосредоточенно тянул на себя веревку. Она снова режет ладони, думал он, прислушиваясь к своей памяти. Как стекло... Это стекло резало мне ладони. Треугольные куски битого стекла... А что было потом? Что же было?..

Но шторка в прошлое уже захлопнулась, кино закончилось, память отказывалась выдать что-нибудь еще. Он благополучно вытащил палатку и спальники, сбросил вниз веревку. Стас принялся разгружать рюкзак, облегчая его от банок тушенки. Через несколько минут он появился на козырьке рядом с Шелестовым.

Некоторое время он ходил вокруг Сани, слушал его путаное объяснение и потирал подбородок.

– Ты рассказывал мне в институте про кровь на стекле,

про странные ощущения... Это из той же серии?

– Из той же, – кивнул Шелестов и почувствовал, что щедрое крымское солнце успело спалить ему шею. Она зудела, будто на нее вылили горячий бульон.

Он сбил Стаса с толку. Теперь тот снова превратился в нейропсихолога и думал уже не о бивуаке и обеде. Шелестову пришлось самому перетаскивать вещи на полянку, закрытую со всех сторон угловатыми валунами, в то время как ученый муж пребывал в глубоком раздумье. Он стоял на краю обрыва, все еще пристегнутый страховочной веревкой, широко расставив ноги и скрестив на груди руки. Под его ногами зеленела долина, сверху нимбом сияло ярило. Пока он мыслил, Саня успел поставить палатку, укрепив растяжки булыжниками. Ничего он не надумает, решил Шелестов, сочувствующе глядя на своего компаньона, все в прошлом, все быльем поросло. Амба.

Глава 7

Утром в лагере неожиданно объявилась Даша. О том, что девушка разбавит их компанию, Стас ни разу не обмолвился, и потому появление на заоблачной высоте невесты нейропсихолога Шелестова немного опечалило.

– Ты не сердись на меня, – сказал Стас негромко, чтобы не услышала Даша, – но у меня не было другого выхода. Она не будет мешать нам. Воспринимай ее как парня, и у нас будет отличная компания.

Девушка стояла поодаль, разбирала свой рюкзак и время от времени улыбалась Стасу. Соломенная шляпка очень ей шла, ее лицо, покрытое тенью как вуалью, с желтыми кудрями под цвет соломки, выглядело хоть и наивным, зато очень жизнерадостным, и алый рубец рядом с бровью ничуть не портил его. Она рвала цветы, и в ее движениях просматривалась легкость человека, не только сбросившего со своих плеч пыльный и шумный город, но и житейские проблемы. Стас в сравнении с ней был черной тучей. Шелестов терпеливо ждал, что еще скажет в свое оправдание Стас, и незаметно рассматривал то спину, то профиль Даши. Ничего особенного он не нашел в ней, и не мог понять, что так впечатлило аскета высшей категории. Симпатичная девчонка, еще не испорченная предательством ближних, подлостью, ложью, бедностью, с неизменно хорошим настроением, которое мо-

жет пригасить разве что вытянутая ниточка из колготок или пятно на платье, посаженное по дороге в гости. Готовится выгодно выйти замуж, в самом необходимом не нуждается, нравится мужчинам, ценит свою привлекательность, а теперь вот отправилась в увлекательное путешествие, в котором наверняка произойдут невероятные приключения.

Вскоре горизонт закрыло туманом. Плато лежало перед ними. Оно не было ровным, как стол, а скорее напоминало застывшее штормящее море, где волнами были ломаные, с косыми слоистыми полосами скальные великаны. Вокруг них расплескались альпийские луга. Вершины, которая была на противоположном конце плато, уже не было видно – все было скрыто облаками.

Пока Стас и Саня укрепляли палатку, Даша куда-то пропала. Стас пошел ее искать, и через полчаса, когда уже стремительно темнело, они появились – молчаливые и хмурые. Даша тут же села на краю обрыва, глядя с высоты на далекий лес.

– Приготовь-ка чего-нибудь на ужин, – неестественно весело попросил Стас Шелестова. Сам же пошел к обрыву и сел рядом с Дашей. Сквозь треск костра Шелестов слышал, как Стас негромко бубнил:

– ...ничего особенного я от тебя не требую, но, пожалуйста, веди себя соответственно. Не забывай, что с нами больной человек, и здесь никто ему не поможет, кроме меня...

Вскоре Даше надоело слушать нравоучения, она подсела

к костру и стала смотреть на огонь.

– Ну и как там, на Войне? – спросила она безо всякого интереса.

– Не помню, – ответил Шелестов.

– Вспомнить несложно, – как о каком-то пустяке заявила Даша. Пока рядом не было Стаса, она позволила себе давать советы. – Надо только сконцентрироваться на воспоминании какого-нибудь одного дня и восстанавливать его пошагово, эпизод за эпизодом, как бы проживая его снова. Тогда восстановится абсолютно все. Легче всего восстановить визуальную память. Вот я, например, когда...

– Что-то жених твой сегодня не в духе, – вдруг перебил ее Шелестов.

– Какой жених? – Даша вскинула голову, хлопая глазами. – Это Стас, что ли, жених? А он мне вовсе не жених. С чего ты взял?

Хихикнув, Даша нырнула в палатку и там притихла.

Стас решительным шагом прошел мимо Шелестова.

– Я прогуляюсь, – кинул он. – Ужинайте без меня.

Ну вот, подумал Шелестов со странным чувством удовлетворения, начинается катавасия.

Глава 8

Грохот взрывов не смолкал ни на секунду. Шелестов пытался поднять голову и осмотреться, но острая боль кинула его лицом в пыль. Страх привел его в чувство быстрее, чем боль, и Шелестов снова поднял голову, увидел Рябцева, который молился, сидя на коленях, ритмично опуская и поднимая туловище... А потом он увидел Дашу. Она сидела рядом с солдатом и развязывала бретельки бронезилета, который был надет на ее голое тело. Шелестов отвернулся, ему было стыдно оттого, что Стас может подумать, будто бы он подглядывает. "Бедненький", – сказала Даша. Он едва различил ее голос в грохоте канонады. "Я не успел посмотреть его снимки. Меня беспокоит мозг", – ответил ей Стас. Он был в выгоревшем танковом комбинеzone, нашпигованном магазинами и гранатами, с рюкзаком за плечами. На шее у него болтался фотоаппарат. Тут над головой так шарахнуло, что вмиг все исчезло – мост, молящийся солдат, Даша, Стас. Только частая барабанная дробь и грохот. Шелестов почувствовал, что он уже в другом мире, лежит на спине, что у него мокрые ноги.

Он открыл глаза и увидел лицо Даши, освещенное красным светом, словно девушка стояла под светофором. Я не на Войне, подумал он. Я в палатке. На плато. Стас ходил на вершину, а я сидел с Дашей у костра.

– Доброе утро! – сказала Даша. – Как ваше драгоценное самочувствие?.. Стас, он пришел в себя!

Шелестову на лицо капала вода. Крыша палатки дрожала, словно снаружи по ней колотили палками. Одна за другой вспыхивали молнии, наполняя палатку красным светом, и нескончаемо грохотал гром.

Над ним повисло лицо Стаса.

– Голова не болит? Головокружение? Галлюцинации?

Шелестов потряс головой. Не болело. Он привстал. Земля притягивала. Тело было непослушным и тяжелым.

– Послушай, – пробормотал он, вытирая со лба дождевые капли. – Ты со мной разговариваешь так, будто у меня вот-вот начнется агония.

– Прости, профессиональная привычка, – улыбнулся Стас.

Они пили шампанское, произносили тосты в честь громовержца, прося у него пощады. А погода продолжала бесноваться. Над плато Чатыр-Даг сводили друг с другом счеты все грозовые заряды Крыма. Для них красная палатка была ничтожной точкой, клюквинкой, затерявшейся среди лугов и белых скал.

С рассветом гроза незаметно утихла, дождь иссяк, избитая тяжелыми каплями палатка, с заметно обвисшими стенами и потолком, наконец, расслабилась. Люди уже прикончили бутылку, и теперь молча сидели, жуя хлеб, прислушиваясь к неправдоподобной тишине. Даша раскрыла "молнию"

и вышла в никуда. Сразу за порогом палатки мир заканчивался. Матовая стена неслышно двигалась вокруг них и как бы светилась сама по себе. Шелестов со Стасом смотрели, как девушка медленно растворяется, исчезает, превращается в туман. Стас дернулся за ней и через мгновение тоже пропал.

Час спустя Саня нашел их на скальном балкончике. Они стояли в нескольких шагах друг от друга, на самом краю обрыва, не разговаривая, не двигаясь, как манекены. Шелестов встал рядом. Теперь три человека ютились на крохотном островке, а вокруг, покачиваясь, клубясь, вздыхая, колыхалось море облаков – серое, грязное, мутное.

Стас подошел к самой кромке "берега". Шелестову показалось, что он сейчас прыгнет со скалы вниз, в облака.

– Что-то мне здесь надоело, – вдруг сказал он. – Давайте спускаться к морю.

Глава 9

Ее рука лежала на груди Шелестова. Наверное, Даша просто неудачно повернулась во сне или же хотела поправить несуществующую подушку. Легкая узкая ладонь скользнула по щеке Шелестова, медленно съехала по подбородку на шею и замерла посреди груди. Шелестов проснулся от этого прикосновения и лежал, сколько мог, не шелохнувшись.

Стаса в палатке не было. Очень тихо шумело море. Стенки палатки плавно изгибались от легкого ветра. Шелестов вылез наружу и зажмурился от яркого света. Аспидно-черное накануне вечером море теперь было светло-голубым, гладким, как зеркало, с темными пятнами на поверхности, похожими на силуэты животных. В глазу гигантской кошки плескался Стас. Он был далеко от берега. Лежал на спине и работал только ногами.

Шелестов выбрался из палатки и побрел к морю. Стоя по колено в воде, ополоснул лицо и только затем нырнул под воду. Раз, два, три, четыре, стал считать он в уме, чувствуя, как нарастает в ушах глубинный гул. Как странно. Опять кажется, что все это уже было, подумал он. И я так же нырял и считал под водой... Зачем же я это делал? Чтобы дольше там продержаться. Это было не так давно. Только где же это было?

Он вынырнул, отдышался и снова опустил голову в воду.

И снова навязчиво закрутился в уме счет: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... Зачем я это делаю, думал Стас, скользя в нескольких сантиметрах от песчаного дна. Ему казалось, что с каждой секундой он все глубже погружается в донные пласты своей призрачной памяти, еще немного, и ему откроется что-то очень важное, и уже поплыли перед глазами красные круги, и, словно от боли, сжались в груди легкие, и уже нет сил сдерживать дыхание...

– Аккуратней! – сказал Стас, когда Шелестов вынырнул. Врач лежал на поверхности воды, словно надувная игрушка, и смотрел на чаек.

– Почему ты сам пошел купаться, а меня не разбудил?

– Тебе надо высыпаться, – равнодушным голосом добавил Стас. – И вообще, я обманул тебя. Даша вовсе не невеста мне.

– Я знаю. И вообще, Стас, ты предскажешь, как комета Галлея.

– Ты так считаешь? – Он повернул голову, потом ударил рукой по воде и поплыл к берегу.

Шелестов глубоко вздохнул и нырнул. Он плыл, едва не касаясь грудью дна. Раз, два, три... пятнадцать... двадцать... шестьдесят... Дно покато уходило вниз. На маленьких подводных дюнах плясали солнечные блики. Мимо его лица тонкими полосками проносились стайки мелких рыбешек. Плотная тишина и блаженная прохлада окружили его со всех сторон. Он выдыхал воздух через ноздри, пузырьки кати-

лись по щекам снизу-вверх и щекотали, как слезы. Семьдесят пять, семьдесят шесть... восемьдесят... Как из тумана, не резко, призрачно, показались ноги Стаса, живот, покрытый мелкими пузырьками, похожими на иней. Он подплыл ближе. Воздух в легких кончался. Он прижал руки к своему телу, превратившись в живую торпеду, и его еще несло по инерции. Он не мог остановиться. Дыхание билось в груди. Сто восемь, сто девять, сто десять... Он ткнулся головой в песок. Его стало закручивать, и он опустил спину на дно. Он не соображал, что делает. Вода уже попала ему в нос, прибор толчками подталкивал его к берегу, и вода становилась теплее и теплее.

Вдруг Стас схватил его руками за плечи. Острый ноготь оцарапал кожу под ключицей. Шелестов вырвался на поверхность.

– Кажется, ты решил свести счеты с жизнью? – спросил Стас.

Шелестов дышал часто и глубоко, с хрипом, со стоном и смотрел на Стаса так, будто не узнавал его. Потом лег на спину и медленно поплыл куда-то. На его ресницах еще не обсохли капли, и солнце казалось усыпанным радужными шариками, нанизанными на нити. Над ним кружилась чайка... Нет, там была не чайка. Там был орел, думал он, прислушиваясь к своей вдруг ожившей памяти. Надо мной кружил орел. А Бородатый стоял совсем рядом, на берегу, и умывался... Нет, он только мыл сапожки. Короткие натовские са-

пожки с высокой шнуровкой. Автомат висел на плече, стволом вниз... Он смотрел на меня и что-то говорил... Нет, он молчал, он думал, надо убивать меня или нет... Так что же было дальше? Он убил меня или не убил? Я живу или мне это только кажется?

Глава 10

Тускло-красная луна тяжело поднималась над морем. Она давала достаточно света, и Шелестов легко прыгал с камня на камень. Он сел на песок у самой воды и стал глядеть на далекие огоньки. Внезапно на него нахлынули воспоминания, что случалось с ним не так часто. Лисков, следовательно, Алла, Гусев закружились в его мыслях. Надо будет позвонить друзьям из ближайшего поселка, думал он, правда, без особой радости. И почаще вспоминать их, иначе забуду к чертовой матери до приезда в Москву.

Он вздохнул и начал карабкаться наверх. Вскоре увидел россыпь огней – горящие свечи, расставленные на камнях вокруг палатки. Еще несколько шагов, и Шелестов услышал приглушенные голоса Стаса и Даши.

– ...мне даже становится страшно, будто это уже не он, а кто-то другой, живущий в нем, – говорила Даша.

– Пока память возвращается лишь на уровне ощущений и ассоциаций, – глухим голосом отвечал Стас. – Видишь, мы смоделировали несколько ситуаций, и в нем стали просыпаться рефлексy. Рефлекторная память намного прочнее зрительной или слуховой.

– Но почему ты так волнуешься?

– Мне не нравится характер его ассоциаций... Они связаны с каким-то крайне драматическим периодом его жизни...

К тому же я забыл перед отъездом посмотреть результаты томографии.

– И что же теперь?

– Продолжать работу! Нужна полноценная нагрузка – и физическая, и психическая, и, конечно, упражнения... И снова создавать модели различных ситуаций, чтобы вызвать у него полный спектр эмоций. Глядишь, и зацепим кончик ниточки и потянем, потянем... Сними, пожалуйста, чайник, кипит уже...

Они замолчали. Шелестов, пятясь, отполз за камни, встал и тихо пошел в сторону. Экспериментатор хренов, думал он. Никогда не поймешь, что у него на уме. Они оба разыгрывают передо мной дешевый спектакль про любовь, моделируют ситуации и думают, что я клюну на это фуфло.

– Шура! Шелестов! А-уу!

Шелестов замер в плотной тени огромного валуна, сел под ним и стал тереть лоб. Ну вот, накаркали, башка разболелась, а анальгин остался в рюкзаке. Вокруг него была беспросветная тьма, и потому он не заметил, как внезапно у него потемнело в глазах.

Он сидел и слышал крики в темноте. Мелодично у них получалось, будто пели дуэтом. А днем молчали, как глухонемые. Стас лишь сопел, да исподлобья пялился на Дашу, а она изо всех сил старалась его не замечать, да Шелестову глазки строила. Артисты!

Он не хотел ни слышать их голосов, ни видеть их лиц. Все

лживо, фальшиво, все вранье – и не только эта любовь, но и придуманная дружба, и придуманные экстремальные условия, и якобы удачная связка. Все это, оказывается, модель, бутафория. Эти люди никогда не были в настоящих горах с заснеженными пиками, ледопадом и гипоксией, они никогда не ползали под пулями, не рисковали жизнью, не теряли в бою друзей. Так какие тут могут быть эмоции? Одно сплошное разочарование.

Боль не отпускала. Он привык переносить ее спокойно, не морщась, и приступ, обычно, проходил быстро. Главное – отвлечься.

– Саня! Ты где?

В крошечной тьме было уютно. Тьма бывает надежнее стены, надежнее бронжилета и даже друга.

Он засыпал, и снились ему слова, которыми он произносил сам себе, а потом, миновав провал, он услышал шум волн. Потом почувствовал себя. Болела спина, затекли ноги. Он открыл глаза. В бледно-матовом небе пикировали чайки. Напротив, похожий на скалу, стоял Стас. Он напоминал памятник Ришелье.

Было еще, наверное, очень рано, часов пять или шесть. Море сливалось с небом, они сейчас занимали большую часть полотна, которое рисовала природа. Немного места отводилось серым камням. И больше никаких цветов. Для остальных красок еще не пришло время.

– Я искал тебя всю ночь, – сказал Стас. Глаза его, в самом

деле, были красные.

– Ну и как, нашел?

– Нет! Не нашел. Я по-прежнему тебя не вижу. Уже вторую неделю...

– А тебе это надо, Стас?

– Это тебе надо, дубина.

Шелестов с трудом встал, растирая затекшие ноги, поднял с камней сырое полотенце. Его знобило, он начал размахивать руками, но от этого стало еще холодней. «Где там мой свитер? Мой теплый мягкий свитер?» – бормотал он, взбираясь по камням к палатке.

Даша, одетая в джинсы и куртку, сидела у входа в палатку. Лицо ее было усталым, даже изможденным. Безразлично посмотрела на Шелестова и снова отвела взгляд на море. Стас быстро упаковался в спальник и стал неподвижен. Шелестов пробормотал "только сон приблизит нас к увольнению в запас", застегнул на себе молнию спального мешка, и тепло укрыло его тело, и голова налилась тяжестью, раздавливая мягкотелый рюкзак, который использовался в качестве подушки.

Глава 11

Стас натянул ласты и сказал, что поплывет к камню, который, словно панцирь гигантской черепахи, торчал из воды метрах в ста от берега. Шелестова он с собой не пригласил.

Сначала аскет плыл на спине, и был отчетливо виден на голубой поверхности бухты, потом надвинул на лицо маску и нырнул. Время от времени показывался кончик его трубки, и исчезала снова, с каждым разом удаляясь все дальше и дальше от берега.

Даша и Шелестов лежали на песке у самой воды. У вас своя игра, у меня – своя, подумал Шелестов и, кинув прощальный взгляд на удаляющуюся трубку, стал выводить пальцем на спине Даши невидимые узоры. Девушка сначала думала, что по ней топчется муха, и, не отрываясь от чтения какого-то обрывка газеты, хлопнула себя ладонью по спине. Наконец, она поймала его палец, заломила его и сказала, что более надоедливой мухи не встречала в своей жизни. Потом она повернулась на спину и закрыла глаза. Муха принялась атаковать возвышенности ее тела. Даша уже не реагировала, притворяясь спящей.

Стас был где-то на половине пути, прошло минут пятнадцать, как он вошел в воду. Значит, еще столько же он будет плыть до камня, столько же ловить крабов и еще полчаса возвращаться обратно... Зачем это я подсчитываю, думал

Шелестов. Не все ли мне равно? Он усмехнулся, врать самому себе – занятие веселое. Нет, скорее скучное.

– Может, поцелуемся? – предложил Шелестов. – Твои губки наверняка вызовут у меня какие-нибудь сладкие ассоциации и давно забытое томление души.

Даша не ответила, не открыла глаза. Она дышала глубоко и ровно, будто бы в самом деле спала.

Вдруг он подумал про Стаса, точнее, представил, как врач, пробивая головой упругие волны, устало и тяжело гребет далеко от берега, на котором оставил своих друзей. Вдох из-под руки, выдох в воду, вдох из-под руки, выдох... Его мышцы налились свинцом усталости, глаза покраснели от соленой воды, легкие болят от долгой и тяжелой работы. Под ним десятки метров глубины, никого рядом, надеяться можно только на себя. Но друзья, конечно же, следят за ним, и сильный выносливый офицер, ветеран Войны, готов в любую секунду броситься ему на помощь. Ведь он привык совершать сильные поступки, это нормально для него, в его наградном листе описана дюжина случаев, когда он рисковал жизнью ради своих друзей, он приучен мерить дружбу по самой высокой отметке... Так ведь, Шелестов? – спрашивал себя Саня, глядя на свою руку, лежащую на плече Даши. Ты точно уверен в том, что эта парочка лишь разыгрывает любовь, что это всего лишь модель, бутафория, картонная декорация? Ты хорошо подсчитал, через сколько времени твой друг вернется обратно?

Он скрипнул зубами, поднялся и отошел в тень каменного козырька, который нависал над берегом. Там он сидел до тех пор, пока Стас, пошатываясь, не вышел на берег. Врач кинул на песок ласты и маску, обвел взглядом камни, но не заметил Шелестова, лег рядом с Дашей на горячий песок и прикоснулся губами к ее плечу. Даша вздрогнула, словно ее ударило током, кинулась к морю и нырнула в волны.

Черт вас разберет, мысленно выругался Шелестов, надежнее спрячась за камни.

Ужинали молча. Каждый с деланным любопытством смотрел в свою сторону: Даша – на море, Стас – на каких-то жучков, пасущихся по хлебным коркам, Шелестов – в свою чашку. Потом Стас залез в палатку и затих.

Даша дремала над грязными тарелками. Покачнувшись над каменным столом и, не открывая глаз, тоже исчезла в палатке. Минуту было тихо. Потом раздалось приглушенное мычание. Стенка палатки вспухла. Шлепок, возня, восклик Даши: "Отстань!"; девушка выскочила наружу и пошла по берегу к хаосу камней, поправляя волосы.

Шелестов едва успел справиться со своим бутербродом, когда из палатки вылез Стас. Как ни в чем не бывало он сел у очага, взял кружку, отхлебнул, поморщился: "Остыл!" Потом с любопытством посмотрел на Шелестова.

– А ты почему не вмешался?

– Куда?

– Не куда, а во что... Я же пытался изнасиловать Дашку.

Разве ты не слышал, как она со мной боролась?

Шелестов едва не поперхнулся кусочком мокрого сахара.

– Что ты пытался сделать?? Изнасиловать??

– Ну да.

Шелестов отшвырнул кружку от себя, встал:

– Вот что, уважаемый господин доктор! Тебе не кажется, что мы здесь все немного поехали мозгами?!

Стас пожал плечами, поднял кружку с песка, отряхнул ее и поставил на "стол".

– Догони и успокой ее, – попросил он.

– Нет уж! Это сделаешь ты. Это твоя девушка, ты и разбирайся с ней.

– Ей нравишься ты, – спокойно ответил Стас. – Она в тебя влюблена. Разве ты не видишь? Не сдерживай себя, ты не предашь меня.

– Что?! Не предам тебя?! Да пошли вы вместе со своими моделями на х...!

Стас неторопливо вынул из кармана пластиковый футляр, достал солнцезащитные очки, надел их, старательно поправляя дужки за ушами, и уставился на Шелестова. Он слишком долго смотрел на товарища, и Саня отвел взгляд в сторону.

– Между мной и Дашей ничего нет, – сказал Стас бесцветным голосом. – Ты прав, мы смоделировали ситуацию для эксперимента.

Шелестов усмехнулся, покрутил головой.

– Послушай, – произнес он, – когда у тебя закончится лап-

ша, которую ты все время пытаешься повесить мне на уши?

– Я врач, – напомнил Стас вежливо.

– Но ведь это жестоко!

– Жестоко по отношению к кому? К тебе?

– К ней!

– О Даше не беспокойся. Она в курсе. Она тоже хочет быть нейропсихологом. Ее ждет блестящая карьера.

Стас зло рассмеялся.

– Зачем ты врешь?! Я же видел, как ты умирал от ревности!

– Я рад, что ты этому поверил.

– И ты нарочно оставлял нас наедине?

– Разумеется!

Шелестов чувствовал, как в нем все клокочет от злости.

Насколько мог сдержанно он сказал:

– Мне это не нравится. Мне противно смотреть на все это.

– К сожалению, я не вижу иных способов вернуть тебе память.

– Память, память! Да что ты зациклился на ней? Да мне и даром не нужна эта память!! Я же не код доступа к сейфу с миллионом баксов забыл!! Я Войну забыл!! И слава Богу!! И не хочу ее вспоминать, понимаешь ты это или нет?

– Как же ты собираешься защищаться на суде? Надеюсь, ты не забыл, что на тебя заведено уголовное дело?

– А вот это уже не твое дело!

Стас снял очки и вздохнул:

– Жаль, что мне пришлось раскрыть перед тобой карты и разрушить такую удачную модель любовного треугольника... Ладно, будь по-твоему. Давай просто отдыхать и наслаждаться жизнью. Мы все свободны от каких бы то ни было обязательств друг перед другом.

Они молчали. Море тихо шептало рядом. Даша сидела далеко от них на песке, обняв колени и опустив на них голову. Стас поднялся и, насвистывая мелодию, пошел по берегу – в противоположную от Даши сторону. Он опять надел очки, хотя солнце зашло за гору, стало сумрачно, и Шелестов не понял, зачем он это сделал.

Глава 12

Стас тихо посапывал в левом углу палатки. Шелестов лежал в правом. Даша – между ними. Стараясь не шуметь, Шелестов выбрался из палатки и стал собирать свой рюкзак. Он взял несколько пачек вермишелевого супа, плитку для сухого топлива, свернул и подвязал к рюкзаку спальный мешок, уложил одежду.

В пять часов стало светать. Он поднимался к шоссе. Шел быстро, не думая о том, куда и зачем идет. Сам процесс движения доставлял удовольствие. За два часа он добрался до мыса Караул-оба, расстелил спальник на плоском камне в тени сосны, влез в него и спал до тех пор, пока снова не наступило утро.

Его разбудили чайки, которые лаяли и хохотали над ним. Он еще не видел их в клейких сумерках, сквозь которые проглядывали лишь силуэты валунов и кривые сосны, похожие на горбатых карликов, обступивших его со всех сторон.

Разулся, затолкал в рюкзак кроссовки и носки. Рюкзак и спальник опустил в глубокую расщелину между двумя валунами и привалил сверху булыжником. Оставил при себе только удостоверение личности офицера, спички, завернутые в полиэтилен, да оставшиеся деньги. Снял майку, повязал ее вокруг тела. Ничего мне больше не надо, думал он, ничего я больше не хочу. Жаль только, что нет холщового

мешка, да веревки, чтобы подпоясаться.

– Доброе утро!

Шелестов вздрогнул от неожиданности и оглянулся. Сверху, на валуне, сидел сухощавый бродяга, похожий то ли на эстетствующего бомжа, то ли на Иисуса.

– Чаю хотите? – спросил он, осторожно спускаясь ближе к Шелестову... – Здесь у нас недалеко лагерь... Вы ведь один, я не ошибся? Одному здесь скучно... – Он почесал щетину, посмотрел по сторонам. – Я целый месяц в одиночку болтался по всему побережью... Потом познакомился с Маслиной...

Бродяга легко прыгал с камня на камень, его босые ноги беззвучно касались их наждачной поверхности. Шелестов не мог понять, как этот человек ориентируется в каменном хаосе. У него уже все давно смешалось перед глазами: сосны, камни, черные щели и гроты. Наконец, путь им преградила худенькая девушка в широкой майке и сиреневых плавках. Ее волосы были мокрыми, они слиплись и превратились в гладкие и блестящие косички. Наверное, она только что искупалась, а вытерлась майкой. Бродяга куда-то исчез.

– Ты кто? – строго спросила она у Шелестова.

– А ты кто?

– Поднимайся сюда, тогда познакомимся.

– А ты не кусаешься?

– Только когда целуюсь. Почему ты бродишь здесь один?

– Так получилось... Ты куда меня тащишь, амазонка?

Девушка взяла Шелестова за руку и повела за собой, вверх по склону. Теперь ее майка шестидесятого размера развева-лась как короткая юбка.

– Скажи честно: ты испугался, что можешь отбить девчонку у своего друга и потому сбежал? Так ведь?

– А ты из милиции?

– Ну, так или не так?

– Сначала ответь, откуда ты знаешь о девчонке и друге.

– Я вас видела вместе несколько раз и все поняла... Прыгай за мной, не пугайся, я не буду давать тебе повода для того, чтобы ты влюбился в меня. Все должно произойти само собой.

– Послушай, ты мне нравишься.

– А ты мне нет. Зачем ты связался с Бродягой? Он чокнутый и к тому же достал нас своими нравоучениями. «Это грешно, Бог вас покарает!» – передразнила она.

Ее выгоревшая майка сползла с одного плеча, оголяя розовую, шелушащуюся от солнца кожу. Она послунявила пальчик и провела им по его лбу: "Ты испачкался". Когда она наклонялась к нему, Шелестов видел в разрезе майки ее маленькую грудь с сосцами, похожими на два прыщика.

– Что ж ты такой жадный? – спрашивала она, глядя его по щеке с такой осторожностью, словно новорожденного.

– В каком смысле?

– На земле уже ничего не осталось светлого, кроме любви. И, кроме всего, это ничего не стоит. Ты пожалел своей

любви. Почему?

– Ничего я не пожалел! Просто мне не нравится, когда меня используют втемную... И вообще, я инвалид, обуза любой компании.

Она долго остановилась, оценивающе взглянула на Шелестова, усмехнулась.

– Меня зовут Галька, – представилась она и протянула ладошку.

– Галина?

– Нет, не Галина, а Галька. Камешки такие есть в море – гладкие, отшлифованные. И я на них похожа, тоже гладенькая. – Она вдруг задрала майку к подбородку. – Вот, смотри, похоже?

– Похоже. Хорошо, что тебя не Персиком зовут, а то бы пришлось другое место показывать...

– Ну ладно! – перебила она Шелестова. – Хватит ерунду всякую говорить. Пойдем к нам. У нас тут недалеко лагерь, мы каждое лето собираемся, и нас с каждым годом все больше и больше. Мы учим людей любви и боремся со злом... В общем, сам увидишь. Тебе там будет хорошо.

– А как ты меня представишь?

– Я буду звать тебя Обреченным, потому что...

– Хорошо, что не Приговоренный...

– ...потому что думаешь, будто любовью можно сделать другому человеку зло, и копишь ее в себе, боишься растратить понапрасну, ищешь ту единственную и неповторимую,

которая, как тебе кажется, была бы счастлива с тобой. Так и будешь жить в клетке, которую сам для себя смастерил, и умрешь вместе со своей нерастраченной любовью, и вто-нишь ее, нераспустившуюся, в сырую землю...

– Как мрачно! Погоди, дай высморкаться... слезу вышибла.

– Не надо ехидничать, Обреченный.

– Но скажи мне, нимфетка, разве можно любить кого попало?

– Любить надо не кого попало, а всех. Подумай сам, если все будут любить всех, то на земле не останется места для мерзкой ненависти. И люди перестанут убивать друг друга. И исчезнут террористы и камикадзе. И будут распущены армии, и переплавлены авианосцы. А ты искусственно сдерживаешь в себе чувство, в котором нуждаются тысячи несчастных. Почему у нас есть доноры, и люди делятся кровью, а вот любовью, если ее много в сердце, считается зазорным поделиться с ближним?

– Да нет, не зазорно, хотя я так и не понял, как это проделать на практике. Боюсь сказать нечто неприличное...

– А вот Бродяга считает, что зазорно и даже грешно, – перебила Галька.

– Может, он имеет ввиду не любовь, а прелюбодеяние?

Галька скривила губки в презрительной усмешке:

– Прелюбодеяние! То, что дает жизнь всему на земле – разве грех?.. Все, что делается человеком под знаком любви,

не может быть грехом!

Галька снова стала перебирать камешки. Шелестов взял ее за локоть.

– Значит, по-твоему, все должны друг с другом... подряд? Вот представь, что у тебя есть любимый мужчина. И ты узнаешь, что помимо тебя он любит еще двадцать женщин, и у каждой проводит очередную ночь, совершенно бескорыстно делясь с ними любовью...

– Да, так должно быть.

– Ну а семья, дети?

– Семья – это ошейник, намордник. Она сдерживает человека, не дает раскрыться его лучшим чувствам. А детей должно быть столько, сколько даст Бог. Если ты будешь любить всех, кто рядом с тобой, не возникнет проблем с рождением и воспитанием детей.

– Галька, а ты любишь Бродягу?

– Конечно! Я его обожаю, хоть он и зануда.

– И ты сможешь спокойно наблюдать, как он ласкает какую-нибудь Ракушку или Медузку?

– Увы, он не хочет никого из нас ласкать, но если бы это случилось, у меня голова пошла бы кругом от любви! Чем больше он будет любить девушек, тем сильнее я смогу полюбить его. Он добрый, сильный, великодушный. – Она снова стала гладить лицо Шелестова, провела пальцами по бровям, носу, губам. – Не надо его слушать! Неужели ты не можешь полюбить хотя бы меня одну? От тебя тянет холодом и без-

различием, как из морга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.